

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Д.Г. Мионов

БЕРНАРД БОЛЬЦАНО И ШКОЛА БРЕНТАНО*

Мионов Дмитрий Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: d-21312556@yandex.ru

В статье определяется значение Больцано для школы Brentano и оценивается, в каком смысле Больцано мог быть посредником между поздней схоластикой и школой Brentano. В первой части статьи обсуждается оценка философского учения Больцано, какую предлагает сам Brentano и его ближайший ученик Марти. Brentano ценил стремление Больцано к научной философии, но при этом критиковал за платонизм в теории значений, за различение способов бытия. Марти, продолжая отчасти критику Больцано, скорее положительно оценивал его учение о предложениях в себе. На примере учения о модифицирующих прилагательных показывается, какое влияние Больцано оказал на философию языка Марти. Во второй части статьи рассматривается вопрос о влиянии Больцано на К. Твардовского, А. Майнонга и Э. Гуссерля. Показывается, что каждый из этих мыслителей по-разному и при этом не вполне корректно интерпретировал учение Больцано о предложениях в себе. Отдельно обсуждается учение Больцано о структуре предложений в себе и анализируется оценка этого учения, предложенная Гуссерлем. Недостаточное внимание Больцано к синтаксической сложности предложений, согласно Гуссерлю, служило причиной тому, что богемский мыслитель не предложил полноценную теорию значения и не исследовал отношение между семантикой и онтологией. Для других учеников Brentano оценка Гуссерля только подтверждала то, что Больцано не уделял должного внимания языковой синсемантике. В третьей части дается ответ на вопрос о посредничестве Больцано между поздней схоластикой и школой Brentano: стремление защитить объективность истины и опровергнуть субъективизм объединяет таких мыслителей, как С. Искьердо и Б. Больцано, и именно на этом основании можно проследить преемственность между поздней схоластикой и школой Brentano.

Ключевые слова: Больцано, Brentano, Марти, Твардовский, Майнонг, Гуссерль, Искьердо

Для цитирования: *Мионов Д.Г.* Бернард Больцано и школа Brentano // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 39–53.

* Статья написана на базе Института философии РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00161: «Алексиус Майнонг и австрийская философия XIX – нач. XX вв.: основные идеи и позднесхоластические корни».

В нашей статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: (1) как Brentano и представители его школы оценивали философское наследие Больцано; (2) насколько хорошо представители школы Brentano знали детали учения Больцано, и как именно они понимали эти детали; (3) имеется ли нечто в наследии Больцано, что оказало положительное влияние на всех представителей школы. Отвечая на эти вопросы, мы хотим также прояснить, можно ли считать Больцано своего рода посредником между поздней схоластикой и школой Brentano, и если можно, то в каком именно смысле.

Бrentано и Марти о Больцано

Еще до преподавания в Венском университете Brentano познакомился с трудами Больцано. Brentano высоко ценил стремление Больцано к научной философии, находил полезным проект наукоучения, и даже утверждал, что наукоучение Больцано во-многом созвучно тем учениям, к которым он сам пришел в результате психогнозических исследований¹.

Brentano были интересны «Парадоксы бесконечного», этой работе были посвящены занятия середины 80-х годов, на которых присутствовал и Гуссерль. Обсуждались следующие темы: а) одновременность причины и действия, их соприкосновение, б) различие частей и границ континуума, в) соотношение границ в континуумах разных типов, г) постоянство существования мира, д) вневременность Бога, е) отношение между Богом и миром².

Как «анти-платонист» в теории значения, Brentano считал абсурдной любую попытку определить статус объекта, к которому намереваются осуществить референцию с помощью фразы «значение выражения *x*», так как такого объекта просто нет. Соответственно, он находил абсурдным учение Больцано о предложениях в себе, а учение Лейбница о вечных истинах, важный источник больцановского учения об истинах в себе, он интерпретировал следующим образом: Лейбниц позволяет существовать вечно пребывающим возможностям (= чему-то нереальному) не вне, а исключительно внутри божественного духа; его точка зрения подобна точке зрения Августина – то, что в собственном смысле есть, когда говорят о наличии вечных истин, – это Бог, поскольку Он познает эти возможности как истинные и поскольку Он всемогущ³.

В заметке 1916 г. «Странное различие между бытием и существованием» из «Теории категорий» Brentano утверждает, что распространенное среди последователей Майнонга, неприемлемое с его собственных позиций, учение о разных способах бытия «сделал популярным» Больцано. Согласно Brentano, он отличал «есть» в строгом смысле от «существовать». Больцано вроде бы учил тому, что «существовать» является спецификацией «есть»: обо всем, что существует, можно сказать, что оно есть, но не обо всем, что есть, можно сказать, что оно существует⁴.

¹ Bergman S.H. Bolzano und Brentano // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1966. Bd. 48. No. 1-3. S. 307.

² Ibid. S. 310.

³ Brentano F. Wahrheit und Evidenz. Hamburg, 1974. S. 129.

⁴ Brentano F. Kategorienlehre. Hamburg, 1985. S. 29.

Любопытно, что один из наиболее верных учеников Brentano, Марти, только отчасти перенял позицию своего учителя. Неприемлемо для Марти было учение Больцано о представлениях в себе и якобы связанное с этим учением различие способов существования. Согласно Марти, Больцано считал, что «слова “есть” и “не есть” имеют разный смысл в случае “действительного” и “реального”, с одной стороны, и в случае того, что он обозначал как “нечто”, но не как “действительное”, с другой стороны. Первое “существует”, о втором такого нельзя сказать, но в его случае уместно выражение “имеется”»⁵. Иначе говоря, по Марти, Больцано приписывал слову «есть» в его применении к нереальному иную функцию и иное значение, чем в его применении к реальному. Больцановские представления в себе Марти считал фикциями.

Не разделял Марти также и учение Больцано о «всегдашности» истин. О предложениях или истинах в себе Больцано говорил, что они всегда значимы: «Никто не будет всерьез утверждать, что истинность или ложность предложений есть такое их свойство, которое изменяется в зависимости от времени и места»⁶. Марти, напротив, полагал, что «если вещи изменяются, то истина о них не может оставаться одной и той же»⁷.

Однако Марти все же находил важным учение Больцано о предложениях в себе: он связывал это учение со своим учением о содержании суждений, позволяющем преодолеть субъективизм и волюнтаризм современной ему философии. «В особенности Больцано, говоря о “предложениях”, несомненно имел в виду содержания суждений и понимал под “предложениями в себе” или “истинами в себе” содержания возможных истинных суждений»⁸.

Заметим, что представители школы Brentano нередко находили у Больцано в некотором имплицитном виде элементы, значимые для всей школы. Так, ученик Марти, Х. Бергман полагал, что Больцано предвосхитил предложенное Марти различие действительной и возможной корреляции: рассуждая о беспредметных представлениях, Больцано предложил различать обладание предметом и направленность на предмет. Направленность беспредметного представления на предмет можно интерпретировать, согласно Бергману, так, что между представлением и предметом нет действительной корреляции, но есть корреляция идеальная: корреляция была бы действительной, если бы предмет существовал⁹.

Б. Керри, о котором еще пойдет речь ниже, утверждал, что Больцано также предвосхитил важное для всей школы Brentano различие детерминирующей и модифицирующей функции слов. Стандартный для школы Brentano тезис (отстаиваемый такими мыслителями, как Твардовский и Марти) о специфике модифицирующих прилагательных сводился к тому, что модифицирующее прилагательное изменяет значение того существительного, с которым оно сочетается, и оно изменяет это значение полностью, так что сочетание «прилагательное + существительное» обозначает совершенно не то, что обозначает существительное само по себе. Точная формулировка

⁵ *Marty A.* Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle a. S., 1908. S. 322.

⁶ *Bolzano B.* Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und größtenteils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Bearbeiter. Bd. 2. Sulzbach, 1837. S. 7.

⁷ *Marty A.* Op. cit. S. 329.

⁸ *Ibid.* S. 361.

⁹ *Bergman S.H.* Das philosophische Werk Bernard Bolzanos. Halle a. S., 1909. S. 35.

тезиса: $A \wedge N$ модифицирующее, если A изменяет значение N , так что $A \wedge N$ применяется к тем вещам, к которым N в его стандартном значении не применяется¹⁰. При этом механизм такого изменения К. Твардовский, исходивший из того, что значение существительного – это набор свойств, устанавливающий условия применения данного существительного, а денотация существительного – это класс объектов, обладающих всеми свойствами из набора, описывал следующим образом. Функция модификации включает в себя, во-первых, функцию частичного удаления содержания представления, выраженного данным существительным, и, во-вторых, функцию замещения этой удаленной части содержания (которая появляется в результате сочетания данного прилагательного с данным существительным) другими положительными или отрицательными характеристиками¹¹.

Примечательно на этом фоне то, что Марти, не предложивший собственного описания такого механизма изменения значения, был готов предложить иную интерпретацию функции модификации – такую, в которой отбрасывается тезис об изменении значения существительного, когда оно сочетается с модифицирующим прилагательным. Марти писал: «Если я говорю о некотором просто желаемом A или некотором невозможном B , то, поскольку я признаю это желаемое или это невозможное как таковое, не признается A или B . A и B функционируют здесь не как имена, как если бы я говорил о некотором маленьком A или большом B , и если даже представление об A или B там пробуждается точно так же, как и здесь, то в любом случае оно, это представление, функционирует не как значение, но как внутренняя языковая форма для понятия, в котором представление об A или B как составная часть появляется совсем не тем же способом, как в большом A или маленьком A »¹².

Иначе говоря, если существительное N сочетается с модифицирующим прилагательным A , то обычное значение N не входит в значение $A \wedge N$ тем же способом, как и обычно¹³.

Как показывают Клаас и Шнидер, такую интерпретацию Марти мог подсказать Больцано¹⁴. Больцано следующим образом объяснял разные способы функционирования прилагательных «разноцветная» и «нарисованная» в составе выражений «разноцветная рыба» и «нарисованная рыба». Значением выражения «разноцветная рыба» является объективное представление [рыба, которая имеет разноцветность]. Функция существительного в этом словосочетании – выразить главное представление ([рыба]), определяющее, о каком роде сущего идет речь; функция прилагательного здесь – «детерминировать», уточнить, какое именно сущее обсуждается ([такое, которое имеет разноцветность]); с помощью такой «детерминации» уточняется, что речь идет не о всем классе рыб, а только о соответствующем его подклассе – о цветных рыбах. Главное представление относится ко всем рыбам, а с помощью

¹⁰ Claas J., Schnieder B. Determining and Modifying Attributes // Anton Marty and Contemporary Philosophy. Cham, 2019. P. 71.

¹¹ Twardowski K. Issues in the Logic of Adjectives // Semiotics in Poland 1894–1969. Dordrecht, 1979. P. 28.

¹² Marty A. Op. cit. S. 137.

¹³ Claas J., Schnieder B. Op. cit. P. 82.

¹⁴ Ibid. P. 83–86. См.: Bolzano B. Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und größtentheils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Bearbeiter. Bd. 1. Sulzbach, 1837. S. 257.

остальной части экстенсия выраженного совокупного представления ограничивается до разноцветных рыб.

В словосочетании «нарисованная рыба» модифицирующая функция прилагательного «нарисованная» показывается тем, что меняются местами главное и дополнительное представление: главное представление выражается словом «нарисованная» (представление [изображение]), а с помощью существительного выражается часть уточнения ([некоторой рыбы]). Слово «рыба» сохраняет свое исходное значение, однако в сочетании с модифицирующим прилагательным «нарисованная» оно изменяет характер своего вклада в совокупное значение всего выражения: его исходное значение оказывается не основным представлением, а частью атрибутивного дополнения представления, выраженного прилагательным.

В заключение этого раздела укажем на еще один момент. Согласно Марти, Больцано замечателен тем, что обращал внимание на «работу» языка, но все же он не был достаточно внимательным и не прояснил до конца специфику синкатегорематических выражений¹⁵. О принципиальности этого обстоятельства для представителей школы Brentano мы скажем в следующем разделе.

Твардовский, Майнонг, Хёфлер и Гуссерль о Больцано

С точки зрения Brentano, Больцано сильнее всего повлиял на таких его известных учеников, как Б. Керри, А. Майнонг, К. Твардовский, Э. Гуссерль.

Керри полагал, что Больцано в двух отношениях предвосхитил Brentano: 1) строгое, качественное различие представлений и суждений (в отличие от гербартианцев, которые понимали суждение как более сложное представление) и, как указывалось, 2) учение о модификации значений слов.

Сам Керри находил наиболее важным в наследии Больцано учение о представлениях в себе и предложениях в себе. Керри, пытаясь прояснить понятие числа, обнаружил, что необходимо различать представленное число и число в себе. В психологизированной философии математики очевидность отличия 1 от 2 или 2 от 3 понималась как очевидность суждения об отличии в восприятии усилий по «полаганию» одной или двух единиц, двух или трех. Но как объяснить очевидность отличия произвольно больших чисел, например, 5631 и 5632? «Можно, конечно, возразить, что я способен различить 5631 и 5632, по крайней мере, непрямо, например, в силу различия их обозначения в позиционной системе; это все верно: однако различие таких чисел не может покоиться на моей способности различения. Ибо очевидность различности чисел, как мы слышали, стремительно снижается, как только переходят к несколько бóльшим числам; однако очевидность их различия для произвольно больших чисел остается той же, что и для одного и двух. И эта вторая очевидность не затрагивается всеми теми ошибками, которым постоянно подвергается указанное не прямое различие чисел. Тем самым мы оказываемся вынуждены провести дистинкцию между числами в себе и просто представленными числами: n и $(n+1)$ как числа в себе различаются, и всегда равно различаются, сколь бы ни было большим n ,

¹⁵ Marty A. Op. cit. S. 137 (сноска).

и, напротив, способность различить их как просто представленные числа с возрастанием n также подлжит возрастающим трудностям»¹⁶.

Важное для философии математики учение Больцано о представлениях в себе Керри, однако, считал не вполне проработанным – не проясненным оставался статус такого рода объектов. Учение Больцано о представлениях в себе и предложениях в себе по-разному поняли Твардовский, Гуссерль и Майнонг.

К. Твардовский «позаимствовал» достаточно много из философии Больцано. Во-первых, различие предмета и содержания представления, позволяющее уточнить тезис Brentano об интенциональности психических актов¹⁷. Во-вторых, связанное с ним различие интенсии и экстенсии понятий. Твардовский пытался уточнить характер отношения между интенсией и экстенсией и скорее поддерживал тезис Больцано об отсутствии отношения структурного изоморфизма между содержанием представления и его предметом. При этом Твардовский допустил некоторую путаницу: он понимал содержание представления скорее как больцановское объективное представление, у которого есть определенная синтаксическая структура, в силу которой тезис о структурном изоморфизме и отбрасывается. Однако сам Больцано называл объективное представление материей субъективного представления, а под содержанием понимал всего лишь мереологическую сумму простых составных частей представления, так что совершенно неважным становился способ их структурирования. Стоит отметить, что в дальнейшем на эту путаницу у Твардовского обратят внимание его критики; Майнонг, например, предложит различать психологическое и логическое содержание.

В-третьих, в отличие от Марти, Твардовский поддерживал тезис Больцано о «всегдашней» истинности предложений в себе (в интерпретации Твардовского, суждений). Тезис Больцано можно сформулировать так: для любого предложения в себе $[p]$, если $[p]$ истинно в момент t , то оно истинно также в любой произвольный момент t' , прошедший или будущий относительно t ¹⁸. В знаменитой статье «О так называемых относительных истинах» Твардовский выдвинул следующий тезис: для любого суждения g , если g истинно в момент t , оно истинно также в любой произвольный момент t' , будущий или прошедший относительно t ¹⁹.

Стоит отметить, что учение Твардовского, представленное в работе «К учению о содержании и предмете представлений» (но также и в статье «О так называемых относительных истинах», где под суждениями понимались психические акты), будет подвергнуто критике за психологизм; позднее он изменит свой подход и в работе «Действия и продукты» выступит уже как анти-психологист²⁰. Твардовский полагал, что сам Больцано различал психические продукты и порождающие их действия. Так, в «Наукоучении»

¹⁶ Kerry B. Über Anschauung und ihre psychische Verarbeitung // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1890. Bd. 14. S. 353.

¹⁷ Twardowski K. Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen: Eine psychologische Untersuchung // Twardowski K. Gesammelte deutsche Werke. Dordrecht, 2017. S. 39–122.

¹⁸ Betti A. Sempiternal Truth. The Bolzano-Leśniewski-Twardowski Axis // Lvov-Warsaw School: The New Generation. Amsterdam; N.Y., 2006. P. 374.

¹⁹ Ibid. P. 380.

²⁰ В немецком варианте – «Функции и образования» – используется терминология К. Штумпфа. См.: Twardowski K. Funktionen und Gebilde // Twardowski K. Gesammelte deutsche Werke. Dordrecht, 2017. S. 165–191.

Больцано пытался объяснить читателям понятие предложения в себе и для этого старался опереться на их понимание немецких терминов²¹. Собственно, он пытался обнаружить в немецком языке слово, которое обозначало бы исключительно предложение в себе. Но такого слова ему найти не удалось. Слова «суждение», «утверждение», «высказывание» не подходят, поскольку они заставляют думать, будто нечто было произведено с помощью актов суждения, утверждения или высказывания, и то, что эти акты производят, обретает способность воздействовать как причина. Однако предложение в себе существует независимо от какой-либо деятельности и лишено способности воздействовать. Согласно Больцано, в немецком языке нет терминов, которые обозначали бы только предложения в себе.

Твардовский же полагал, что термин «высказывание» обозначает нечто третье, не действие и не предложение в себе, – а продукт соответствующей деятельности. Продукты актов суждения, высказывания, или утверждения играют те же роли, что и больцановские предложения в себе: они могут быть истинными или ложными и могут быть членами логических отношений. В отличие от предложений в себе, продукты актов начинают существовать в силу существования соответствующих актов, и существуют они не дольше этих актов. В этом смысле они зависят от сознания конкретного деятеля. В каком смысле они могут быть общим достоянием самых разных деятелей? Деятели могут совершать действия, результатами которых будут похожие продукты. Похожие друг на друга продукты психических или речевых актов могут быть в точности подобны друг другу, и для Твардовского это означало, что они тождественны по содержанию. Именно к этому и сводится, согласно Твардовскому, учение Больцано о предложениях в себе.

Укажем на одну деталь. Твардовский различает заменимые (*artefacta*) и незаменимые суждения. Первые не являются реальными суждениями, они фиктивны. Предложения, произнесенные или записанные логиком, не являются предложениями, которые выражают суждения, действительно высказываемые этим логиком, скорее речь должна идти о представленных суждениях, которые порождаются актами представления, а не собственно актами суждения. Логик, чтобы привести примеры правильных умозаключений, может построить правильный силлогизм, полностью состоящий из ложных предложений. Например, переходя от предложений «Все треугольники квадратные» и «Все квадраты круглые» к предложению «Все треугольники круглые», логик не совершает акты суждения, а только представляет соответствующие суждения. Именно представленные суждения, имеющие характер *artefacta*, и являются в строгом смысле предметом логики.

Как отметила А. Бетти, в рассуждениях Больцано и Твардовского есть, безусловно, структурное сходство²². Если мы различим уровни: (1) – акт, (2) – содержание/продукт, (3) – предмет, а также учтем то обстоятельство, что, согласно Больцано, (фрегевский) смысл предложения – это не само предложение в себе, а объективное представление предложения в себе, то мы получим следующие схемы, представляющие структуру теории суждения Больцано и Твардовского. Схема Больцано: (а) Суждение (1) – Предложение в себе (2) – Предмет-обладающий-свойством (3); (б) субъективное Представление предложения в себе (1) – объективное Представление предложения

²¹ Bolzano B. *Wissenschaftslehre*. Bd. 1. S. 81–82.

²² Betti A. *Op. cit.* P. 384–385.

в себе (2) – Предложение в себе (3). Схема Твардовского: (а) Акт суждения (1) – суждение-продукт (2) – положение дел (3); (б) Акт представления суждения-продукта (1) – представление-продукт, в котором представлено суждение-продукт (2) – суждение-продукт (3).

Но и в этой поздней статье Твардовский неправильно понял Больцано. Статус больцановских предложений в себе отличается от статуса суждений-продуктов Твардовского. Для Больцано суждение – это акт признания истинным некоторого предложения в себе, тогда как акты суждения Твардовского – это (способ) производства суждений-продуктов. В отличие от суждений-продуктов, предложения в себе имеются в универсуме как определенное нечто, они не делаются независимыми, они не получают видимость независимых предметов; они не производятся актами, а содержатся в них как материя.

Неверно понял Больцано и А. Майнонг. Он видел в учении о предложениях в себе важного предшественника собственного учения об объективах, но не считал, что Больцано здесь значительно на него повлиял. По Майнонгу, предложения в себе – это подкатегория категории объективов: «“предложение” есть схваченный, по возможности даже высказанный, по крайней мере, в словах сформулированный наличный объектив»²³. Несколько позднее, в работе «О возможности и вероятности», Майнонг внесет следующее уточнение: предложение в себе – это носитель истинности, а истинным можно назвать такой фактический объектив, который стал предметом некоторой (правильной) пропозициональной установки²⁴. Для объектива как такового не является существенным свойство быть предметом какой-либо когнитивной или эмоциональной установки, а предложение в себе, согласно Майнонгу, есть такой объектив, для которого определяющим будет свойство быть схваченным (*Erfassungsobjektiv*).

Совершенно иначе прояснял для себя понятие предложения в себе Гуссерль²⁵. Он исходил из того, что предложение в себе есть смысл утверждения; тождественный смысл – это универсалия, вид. Схема, представленная в «Логических исследованиях», такова: предложение в себе = тождественный смысл = всеобщее / вид для моментов, присутствующих во всех актуальных высказываниях с одним и тем же смыслом. Предложение в себе относится к каждому соответствующему акту суждения так же, как вид «красное» относится к отдельным случаям «одного и того же» красного. Вид, индивидуализация которого являются «моменты» материи, и является предложением в себе. Гуссерль критиковал Больцано за то, что тот не сумел увидеть феноменологических отношений между значением, моментом значения и полным актом означивания.

Но критика Гуссерля не вполне оправдана. Он исходил из того, что через понятие актов и их материи можно объяснить понятие предложения в себе как содержания актов. Больцано, напротив, исходил из того, что понятие предложения в себе является примитивным, и что с его помощью можно объяснить важные психологические и эпистемологические понятия. Больцано полагал, что в порядке объяснения первым («объясняющим») яв-

²³ *Meinong A. Über Annahme. 2., umgearbeitete Aufl. Leipzig, 1910. S. 100.*

²⁴ *Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Leipzig, 1915. S. 40–41.*

²⁵ *Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. 22: Aufsätzen und Rezensionen (1890–1910). Den Haag, 1979. S. 156–157.*

ляется содержание. Стоит отметить, что по такому же пути пошли Фреге и Рассел. М. Текстор к тому же приводит два основания, в силу которых нельзя отождествить понятия предложения в себе и гуссерлевского вида²⁶. Во-первых, могут иметься предложения в себе, которые не являются материей суждений; но не может иметься такой материи суждений *in specie*, которая не была бы индивидуирована. Во-вторых, имеются предложения в себе, которые по логическим основаниям ни одним суждением не могут быть схвачены как его, суждения, материал; но не может иметься ни одного суждения *in specie*, которое по логическим основаниям не может быть индивидуировано.

Указав на некоторую неоправданность критики Гуссерлем учения Больцано о предложениях в себе, мы бы хотели отметить и оправданную критику. Мы находим в «Наукоучении» Больцано еще «старое», аристотелевское понимание предмета суждения – собственно, это предмет субъектного представления предложения в себе, служащего материей соответствующего акта суждения. И любопытно, что Твардовский в работе «К учению о содержании и предмете представлений» о предмете суждения говорит так же, как о нем говорил Больцано: это предмет субъектного представления. А вот в письме к Майнонгу от 11.07.1897 он впервые говорит о том, что предмет суждения может быть охарактеризован как «положение дел» (*Sachverhalt*)²⁷. Вскоре также Майнонг (и еще раньше Гуссерль) будет понимать под предметом суждения объектив (соответственно, положение дел). Больцано еще не включал в онтологию пропозициональные предметности, и это дало Гуссерлю повод указать на то, что богемский мыслитель не сумел для себя прояснить отношения между формальной семантикой и формальной онтологией.

На наш взгляд, таким замечанием Гуссерль, собственно, указывал на то, что «верификаторы» предложений у Больцано имеют одну и ту же структуру: все они могут быть представлены как «принадлежность» свойства предмету. Положения дел структурно более разнообразны и сложны. С точки зрения теории истины, в таком подходе Больцано нет сложностей: он предлагает некоторое «минимальное» определение истинности, не требующее детального уточнения понятия соответствия. Определение, предложенное Больцано («Предложение называется истиной только тогда, когда предмету, о котором идет речь в данном предложении, присуще то, что ему приписывает предложение»²⁸), вполне можно интерпретировать в духе А. Тарского.

Действительная же сложность заключается в том, что такая «единообразность» больцановского верификатора коррелирует с «единообразием» больцановского предложения в себе. Предложения в себе – это структурированные сущности, но их структура единообразна: языковые средства, позволяющие выразить предложения в себе, структурированы разными способами, а сами предложения в себе структурированы одним и тем же способом ([А имеет b]). Для Гуссерля (как и для Марти) это было серьезным упущением. Больцано исходил из того, что понятие предложения в себе является элементарным и неопределимым, он определял представление в себе как часть предложения, и он различал нелогические и логические части

²⁶ *Textor M.* Bolzanos Propositionalismus. Berlin; N.Y., 1996. S. 20–25.

²⁷ *Meinong A., Twardowski K.* Die Korrespondenz zwischen Meinong und Twardowski // *Meinong A., Twardowski K.* Der Briefwechsel. Berlin; Boston, 2016. S. 85.

²⁸ *Bolzano B.* Wissenschaftslehre. Bd. 1. S. 250.

предложения. Проблема в том, что Больцано достаточно обще, только метеоологически, характеризовал композицию предложений в себе, и не прилагал достаточных усилий для описания специфической синтаксической сложности предложений.

Больцано накладывал ограничения на возможность заменить в составе предложения одно представление другим, однако не придавал должного значения различию синкатегорематических компонентов, в частности, не всегда принимал во внимание тот вклад, который квантификатор вносит в совокупное значение предложения. Так, Больцано утверждал, что слово «каждый» в некоторой степени избыточно и может быть свободно удалено из предложения без изменения его значения: «“А” и “каждое А” обозначают одно и то же представление; эти выражения различаются только в том, что второе определеннее первого; и это такое различие, которое затрагивает только знак представления, никак не само представление»²⁹. Это приводит к любопытным последствиям. Например, если мы ограничим множеством людей предметную область всех представлений, которые могут по правилам Больцано замещать субъектные представления в предложениях формы «А имеет свойство быть счастливым или А имеет отсутствие свойства быть счастливым», то мы можем получить ложное предложение «Каждый человек имеет свойство быть счастливым или каждый человек имеет отсутствие свойства быть счастливым» (оба дизъюнкта ложны), что кажется несколько странным: приведенная форма есть допустимая, согласно Больцано, интерпретация формы «А имеет b или А не имеет b». Странность возникла из-за того, что Больцано не запрещает представлениям разной «семантической категории» замещать друг друга³⁰.

В этом состояла сложность и для Гуссерля: можно согласиться, что каждый элемент предложения имеет значение, но всегда надо учитывать различие между разными «категориями значения». Больцано как будто бы игнорирует важные функциональные различия между знаками. В такой недооценке языковой синсемантики Больцано обвиняли такие разные ученики Brentano, как, собственно, Гуссерль, Марти и А. Хёфлер. Любопытный пример из «Логики» Хёфлера, усиливавший у представителей школы Brentano подозрение, что Больцано не обращал должного внимания на специфическое функционирование синкатегорематических выражений, мы и рассмотрим.

Больцано следующим образом формулировал «классический канон о соотношении объемов и содержаний представлений»: «Каждое представление, которое имеет большее содержание, чем некоторое другое (так, что оно состоит из этих и еще определенных других частей), имеет меньший объем, чем то (так, что его объем есть часть объема того), и наоборот, каждое представление, которое имеет меньший объем, чем некоторое другое (так, что его объем есть часть объема того), имеет большее содержание, чем то (так, что оно состоит из этих и еще определенных других частей)»³¹.

Больцано пытался опровергнуть Канон с помощью контрпримеров. Первый тезис Канона опровергается, во-первых, тем, что содержание понятия

²⁹ Ibid. S. 250.

³⁰ См.: *Textor M. Bolzano's Sententialism // Grazer Philosophische Studien. 1997. Bd. 53. S. 199–201.*

³¹ *Bolzano B. Wissenschaftslehre. Bd. 1. S. 568–569.*

[трехсторонний треугольник] сложнее содержания понятия [треугольник], а объем один и тот же, и, во-вторых, тем, что объем объективного представления, выраженного фразой «человек, который понимает все живые европейские языки», больше объема объективного представления, выраженного как «человек, который понимает все европейские языки», при том что содержание первого не проще содержания второго. Второй тезис Канона опровергается тем, что все действительные вещи суть возможные вещи, но понятие [возможное], не есть какая-либо составная часть понятия [действительное], поскольку совсем неясно, какое понятие (*differentia specifica*) надо добавить к понятию [возможное] чтобы получилось понятие [действительное]. На второй контрпример из опровержения первого тезиса Канона и обратил внимание Хёфлер.

Чтобы оценить этот контрпример, он предложил для начала рассмотреть пары понятий: (а) ([Человек, который знает все языки], [Человек, который знает все живые языки]); (б) ([Все языки], [Все живые языки]); (в) ([Языки], [Живые языки]). Понятие «более богатого содержания» можно уточнить так: содержание S_1 только тогда богаче содержания S_2 , когда оно содержит все признаки из S_2 , а также дополнительно еще один подлинный детерминирующий признак. Согласно Хёфлеру, между элементами пары (в) имеется нормальное отношение содержательной детерминации (второй элемент богаче первого на детерминирующий признак [живые]), и об их объемах можно сказать, что они находятся в нормальном отношении (объем второго элемента уже объема первого элемента). Нормальным является и отношение объемов элементов пары (б): число «всех языков» больше числа «всех живых языков». Но при этом нельзя сказать, что второй элемент пары (б) произведен из первого элемента посредством подлинной детерминации. «Дело в том, что “все живые языки” ни в коей мере не являются “всеми языками”, более того, с добавлением “живые” содержание понятия “все языки” как будто бы “снимается”, подобно тому, как оно “снимается” в понятии “дом” посредством “сгоревший”, или в “короле” посредством “низложенный”. И основание, по которому в отношении к “все языки” обычно детерминирующее добавление “живые” (но также и “европейские”, “романские”) становится модифицирующим, лежит не в самом “живые”, а в особенности “все”»³².

Итак, по Хёфлеру, элементы пары (б), равно как и элементы пары (а), не являются подлинными исключениями из Канона, поскольку их содержания не находятся в подлинном отношении детерминации. Слово «все» не есть подлинный детерминатор, поскольку оно не имеет такого же самостоятельного смысла, как и слово «живые». Хёфлер, надо отметить, не утверждает в тексте «Логики», что все контрпримеры Больцано неудачны, он признает первый контрпример (в котором один из соотносимых элементов – избыточное понятие). Но тем скорее подтверждается тезис, что в глазах представителей школы Брентано богемский мыслитель недостаточное внимание уделял языковой синсемантике.

³² Höfler A. *Logik*. 2., sehr vermehrte Aufl. Wien, 1922. S. 199.

В каком смысле Больцано мог быть посредником между школой Brentano и поздней схоластикой

Подведем предварительный итог: даже среди тех представителей школы Brentano, которые скорее положительно оценивали учение Больцано и пытались «заимствовать» из него некоторые значимые для них элементы, нет единства в понимании того, какие именно детали этого учения важны и что надо исправить. Однако все же есть нечто, что безусловно привлекало их к наукоучению Больцано и, в частности, позволяло смотреть на учение о предложениях в себе как на важного предшественника собственных учений: стремление Больцано строго разграничить науки, провести ясную границу между логикой и психологией, разработать строгую научную теорию познания и, самое главное, обосновать научный объективизм, опровергнуть субъективизм в онтологии, скептицизм в эпистемологии, волюнтаризм в теории ценностей и обязательств.

В этом и только в этом смысле, на наш взгляд, Больцано стал посредником между поздней схоластикой и школой Brentano. Раскроем этот тезис.

Учение Больцано о предложениях в себе можно свести к следующему: (1) предложения в себе не являются лингвистическими объектами, но они функционируют как значение языковых выражений и содержание ментальных установок; (2) части предложения в себе имеют ту же онтологическую природу, что и целое, и, подобно целому, имеют семантическую функцию; (3) предложения в себе – то, что истинно или ложно в собственном смысле, они – первичные носители истинности, а выражающие их предложения только в производном смысле истинны или ложны; (4) предложения в себе никак не зависят от возможности быть выраженными в языке, и они вневременны и внепространственны.

Как на источник своего учения о предложениях в себе Больцано указывает на Лейбница с его «*cogitatio possibilis*»³³. Однако Больцано существенно расходился с Лейбницем. Вечные истины Лейбница – это внутренний объект божественного интеллекта. Источник вечных истин или основание их возможности – интеллект Бога, от которого зависят все вечные истины. Бог – единственная необходимая субстанция, которая как субъект идей словно реализует регион вечных истин. Без Бога не было бы вечных истин: Бог – первоисточник возможности и последнее основание вещей. Для Лейбница реальность possibiliий состоит в их идеальном или объективном бытии в божественном интеллекте³⁴.

Больцано полагал, что истины в себе ни в каком смысле не зависят от Бога: «Я полностью согласен с Лейбницем, когда он утверждает, что истина законов и идей не зависит от воли Бога... но когда он добавляет, что необходимые истины зависят только от божественного ума, я это отрицаю и утверждаю прямо противоположное. $2 \times 2 = 4$ не потому, что Бог так мыслит; наоборот, поскольку $2 \times 2 = 4$, Бог так мыслит»³⁵. Та же позиция выражена

³³ Bolzano B. *Wissenschaftslehre*. Bd. 1. S. 85.

³⁴ См.: Ivanov V. *Leibniz und die Scholastiker über die ewigen Wahrheiten und Possibilia // Leibniz en diálogo*. Sevilla, 2017. S. 31–34.

³⁵ Bolzano B. *Gesamtausgabe*. Reihe 2, B, Bd. 18, Teil 2: *Philosophische Tagebücher 1827–1844*. Zweiter Teil. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1979. S. 44.

в «Наукоучении»: «Не потому нечто истинно, что так его познал Бог; наоборот, Бог познал его так, поскольку оно именно таково»³⁶.

Как показывает Я. Шмутц, более вероятным предшественником Больцано скорее был иезуит Себастьян Искьердо³⁷. В трактате «*Pharus Scientiarum*» («Маяк наук») Искьердо защищает тезисы, которые полностью согласуются с тезисами, которые Больцано защищает в §§19–23 «Наукоучения». (1) Согласно Искьердо, первичным носителем истинности является объективное предложение. *Propositio obiectiva* – это не некий коррелят акта означивания, обладающий бытием простого объекта мысли, это то, для чего быть объектом мысли не является конститутивным свойством. Такие предложения не имеют особого онтологического статуса: нельзя сказать, что они есть нечто, существующее в акте мышления, как нельзя сказать, что они обладают действительной реальностью. (2) Как подчеркивает Шмутц, Искьердо постоянно говорит об «объективных истинах» во множественном числе, в то время как большинство его предшественников говорили об объективной истине в единственном числе, чтобы показать, что речь идет о «трансцендентальной истине»³⁸. Для Искьердо существует столько же объективных истин, сколько и правильных суждений. Сама деятельность мышления состоит, в первую очередь, не в утверждении или отрицании, а в постижении – посредством простого акта – ложных или истинных предложений как таковых. (3) Объективные предложения (или положения) не были никем «положены»: они не зависят от какого-либо интеллекта, даже божественного. Бог в силу всеведения постигает каждую истину, но из этого никак не следует, что объективная истина должна определяться как то, что постигается Богом. (4) Согласно Искьердо, если принять невозможную гипотезу о несуществовании божественного интеллекта, то и при таком допущении вечные истины остались бы тождественными самим себе, то есть сохранили бы свою истинность.

Больцано мог познакомиться с таким учением через разные источники. Одним из них мог быть, например, Сигизмунд фон Шторхенау, упоминаемый Больцано в «Наукоучении». В «Онтологии» Шторхенау мы находим, например, такое утверждение: «Если бы кто-то признал, что Бога не существует, никакого интеллекта не существовало бы; в силу этой абсурдной гипотезы все сущности вещей исчезли бы, но только в том случае, если бы они были поняты ближайшим образом. В самом деле, из этого не следует, однако, что сущности вещей не существовали бы, поскольку они были бы поняты отдаленно и сами по себе (*remote et in se sunt intelligibiles*)»³⁹. Схоластическое «*in se*» находит себе прямое соответствие в больцановском «*an sich*».

Подведем общий итог. Больцано может считаться посредником между поздней схоластикой и школой Brentano, но только в том смысле, что представители школы стремились выстроить строго научную философию, исходящую из того, что познание есть открытие истины, а не ее конструирование. Защита научного объективизма, борьба с психологизмом и субъективизмом – моменты, объединяющие представителя поздней схоластики Искьердо,

³⁶ *Bolzano B. Wissenschaftslehre. Bd. 1. S. 115.*

³⁷ См.: *Schmutz J. Quand le langage a-t-il cessé d'être mental? Remarques sur les sources scolastiques de Bolzano // Le langage mental du Moyen Age à l'Age classique. Louvain-la-Neuve, 2009. P. 306–337.*

³⁸ *Ibid. P. 12.*

³⁹ Цит. по: *Ibid. P. 20–21.*

Больцано и учеников Brentano. Как мы показали, конкретные детали учения Больцано очень по-разному оценивались и понимались представителями школы. На наш взгляд, существенное расширение онтологии и привнесение в нее пропозициональных предметов, осуществленное, прежде всего, Майнонгом и Гуссерлем, не может быть приписано влиянию Больцано и должно считаться собственным достижением школы Brentano.

Bernard Bolzano and the Brentano school*

Dmitry G. Mironov

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: d-21312556@yandex.ru

The article defines the significance of Bolzano for the Brentano school and explores the sense in which Bolzano could have been an intermediary between late Scholasticism and the Brentano school. The first part of the article discusses the assessment of the Bolzano's philosophical doctrine, which is offered by Brentano himself and his closest student Marty. Brentano found Bolzano's pursuit of scientific philosophy commendable, but at the same time criticized him for platonism in the theory of meanings and for distinguishing the ways of being. Marty, continuing partly to criticize Bolzano, rather positively assessed his doctrine of propositions in themselves. Using the example of the doctrine of modifying adjectives, it is shown what influence Bolzano had on Marty's philosophy of language. In the second part of the article, the question of Bolzano's influence on K. Twardowski, A. Meinong and E. Husserl is considered. It is shown that each of these thinkers interpreted Bolzano's doctrine of propositions in themselves in different ways and at the same time not quite correctly. Bolzano's doctrine of proposition structure is discussed separately and the evaluation of this doctrine proposed by Husserl is analyzed. Bolzano's insufficient attention to the syntactic complexity of sentences, according to Husserl, was the reason that the Bohemian thinker did not propose a full-fledged theory of meaning and did not investigate the relationship between semantics and ontology. For other students of Brentano, Husserl's assessment only confirmed that Bolzano did not pay due attention to linguistic synsemantics. The third part answers the question of Bolzano's mediation between late Scholasticism and the Brentano school: the desire to defend the objectivity of truth and refute subjectivism unites such thinkers as S. Izquierdo and B. Bolzano, and it is on this basis that the continuity between late Scholasticism and the Brentano school can be traced.

Keywords: Bolzano, Brentano, Marty, Twardowski, Meinong, Husserl, Izquierdo

For citation: Mironov, D.G. "Bernard Bol'tsano i shkola Brentano" [Bernard Bolzano and the Brentano school], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 39–53. (In Russian)

Список литературы / References

Bergman, S.H. "Bolzano und Brentano", *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 1966, Bd. 48, No. 1–3, S. 306–311.

* The article was written on the basis of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00161: "Alexius Meinong and Austrian Philosophy of the 19th – early 20th Centuries: Main Ideas and Late Scholastic Roots".

- Bergman, S.H. *Das philosophische Werk Bernard Bolzanos*. Halle a. S.: M. Niemeyer, 1909. XIV, 209 S.
- Betti, A. "Sempiternal Truth. The Bolzano-Leśniewski-Twardowski Axis", *Lvov-Warsaw School: The New Generation*, ed. by J.J. Jadacki and J. Pasniczek. Amsterdam; New York: Rodopi, 2006, pp. 371–399.
- Bolzano, B. *Gesamtausgabe, Reihe 2, B, Bd. 18, Teil 2: Philosophische Tagebücher 1827–1844, Zweiter Teil*. Stuttgart; Bad Cannstatt: frommann-holzboog, 1979. 162 S.
- Bolzano, B. *Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und größtenteils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Bearbeiter*, Bd. 1–4. Sulzbach: Seidel, 1837.
- Brentano, F. *Kategorienlehre*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. LII, 406 S.
- Brentano, F. *Wahrheit und Evidenz*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1974. XXXII, 228 S.
- Claas, J. & Schnieder, B. "Determining and Modifying Attributes", *Anton Marty and Contemporary Philosophy*, ed. by G. Bacigalupo, H. Leblanc. Cham: Palgrave Macmillan, 2019, pp. 59–96.
- Höfler, A. *Logik*, 2., sehr vermehrte Aufl. Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 1922. 936 S.
- Husserl, E. *Gesammelte Werke, Bd. 22: Aufsätzen und Rezensionen (1890–1910)*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1979. LVI, 486 S.
- Ivanov, V. "Leibniz und die Scholastiker über die ewigen Wahrheiten und Possibilien", *Leibniz en diálogo*, ed. by M. Sánchez-Rodríguez, M. Escribano Cabeza. Sevilla: Editorial Thé-mata, 2017, pp. 27–38.
- Kerry, B. "Über Anschauung und ihre psychische Verarbeitung", *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1890, Bd. 14, S. 317–353; 1891, Bd. 15, S. 127–167.
- Marty, A. *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Halle a. S.: M. Niemeyer, 1908. 764 S.
- Meinong, A. *Über Annahme*, 2., umgearbeitete Aufl. Leipzig: J.A. Barth, 1910. 403 S.
- Meinong, A. *Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit*. Leipzig: J.A. Barth, 1915. 784 S.
- Meinong, A. & Twardowski, K. "Die Korrespondenz zwischen Meinong und Twardowski", in: A. Meinong, K. Twardowski, *Der Briefwechsel*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016, S. 75–139.
- Schmutz, J. "Quand le langage a-t-il cessé d'être mental? Remarques sur les sources scolastiques de Bolzano", *Le langage mental du Moyen Age à l'Age classique*, éd. J. Biard. Louvain-la-Neuve: Editions de l'ISP, 2009, pp. 306–337.
- Textor, M. "Bolzano's Sententialism", *Grazer Philosophische Studien*, 1997, Bd. 53, S. 181–202.
- Textor, M. *Bolzanos Propositionalismus*. Berlin; New York: de Gruyter, 1996. XI, 373 S.
- Twardowski, K. "Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen: Eine psychologische Untersuchung", in: K. Twardowski, *Gesammelte deutsche Werke*. Dordrecht: Springer, 2017, S. 39–122.
- Twardowski, K. "Funktionen und Gebilde", in: K. Twardowski, *Gesammelte deutsche Werke*. Dordrecht: Springer, 2017, S. 165–191.
- Twardowski, K. "Issues in the Logic of Adjectives", *Semiotics in Poland 1894–1969*, ed. J. Pelc, Dordrecht: Reidel, 1979, pp. 28–30.